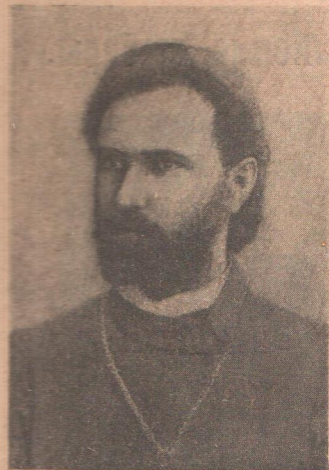

9-ое января 1905 года

Прямым непосредственным поводом к событиям 9-го января было совершено безпричинное увольнение с Путиловского завода 4-х рабочих (Сергунина, Субботина, Уколова и Федорова). Уволил всех четверых мастер Тетявкин.

Рабочие массы на заводе заволновались. Были отправлены делегации к директору завода Смирнову и петроградскому градоначальнику, но результата никакого не было достигнуто. 28 декабря на Васильевском острове состоялось многолюдное собрание рабочих Путиловского завода, на котором вынесены следующие резолюции: 1) заявить через градоначальника высшему правительству, что взаимоотношения труда и капитала стали ненормальными, 2) предъявить требование о немедленном увольнении мастера Тетявкина, 3) немедленно вернуть на службу уволенных рабочих. Резолюция заканчивалась предостере-

Свящ. Георгий Гапон.

жением, что, если справедливые требования рабочих не будут удовлетворены, они не ручаются за спокойствие в городе.

3-го января работы на Путиловском заводе стали. Движение разрасталось с каждым часом. Рабочие уже не довольствовались прежними резолюциями и под их давлением Гапон выработал более «конкретную» программу, заключающуюся в следующих требованиях: 1) восьмичасовой рабочий день, 2) работы в 3 смены, 3) увеличение заработка и 4) организация медицинской помощи.

В ответ на это требование директор Путиловского завода Смирнов заявил, что—при выполнении таких требований, завод пойдет по-миру. Рабочие засмеялись и ушли.

Путиловцев поддержали и другие заводы. К пятому декабря уже бастовало до 30.000 челов. В дальнейшем забастовка охватывала все более и более обширный круг предприятий. По официальным данным, относящимся к 8 января, бастовало не меньше 140—150 тысяч человек. Конечно, симпатии наиболее сознательной части населения были на стороне рабочих.

Вечером 8 января депутация, в состав которой входили Аненский, Горький и академик Арсеньев, явилась к Витте.

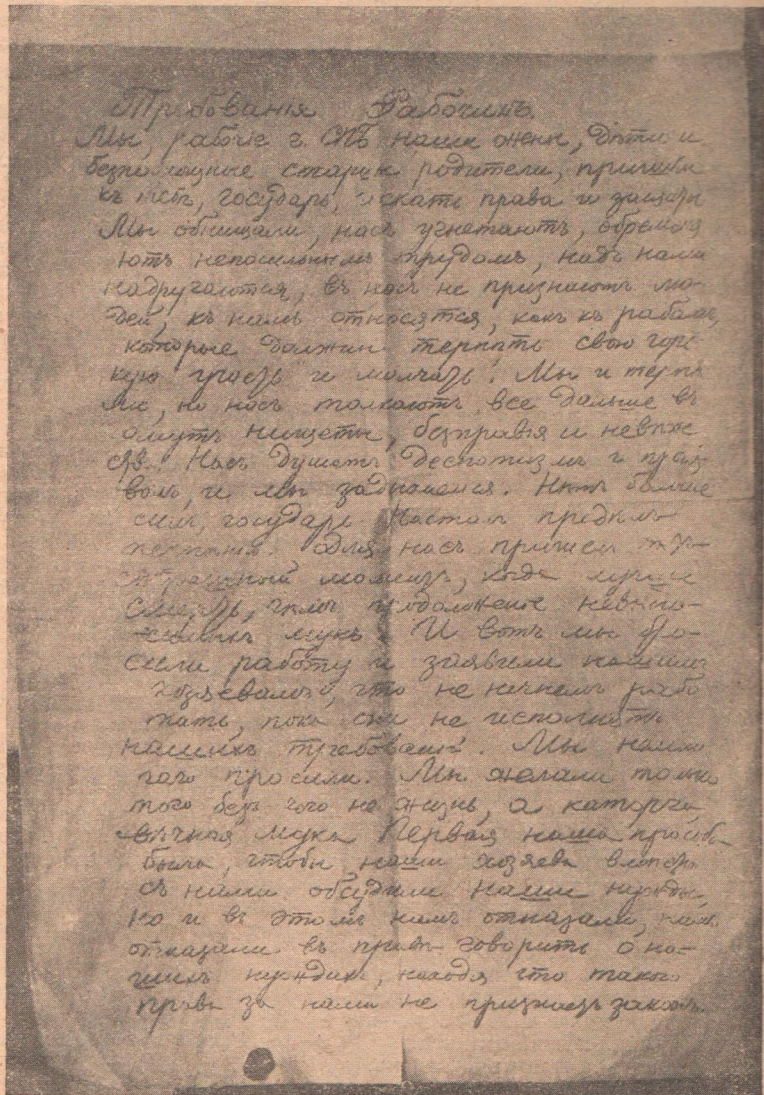
Он ответил ей уклончиво и по уходе ее не приминул сообщить жандармам, что у него были интеллигенты и литераторы, «распинавшиеся за Путиловских рабочих».

Утром 9-го января в рабочих кварталах начали собираться кучки, собиравшиеся идти на демонстрации. Шли все старые, молодые, женщины, дети. Демонстрация несомненно должна была вылиться в форму «мирной» и «лояльной». Вот как говорит об ее характере корреспондент французской газеты Matin: «Сказать, что демонстрация 9-го января была мирной—это мало. От нее веяло какой-то революционной наивностью, детской простотой».

Сборным местом была назначена Дворцовая площадь, где демонстранты должны были собраться к 2-м часам дня и уже оттуда идти подавать петицию государю.

Войска преградили путь идущим рабочим у Нарвских ворот перед Зимним дворцом и около Троицкого моста. Расправа с безоруженной толпой была хорошо подготовлена и зрело обдумана. Того, что избивание производилось организованным образом, никто не думал скрывать.

Кровавая январская бойня была как бы боевым крещением юного русского пролетариата. У рабочих масс рассеялись по-

Обращение рабочих к царю—факсимиле.

«Избиение рабочих». Картина П. Котова.

следние остатки иллюзии о «царской милости и правде». Кровавый урок 9-го января послужил огромную службу сознательности рабочего движения.

Гражданская война в Мексике.

Генерал Платахо Каллос один из виднейших кандидатов на пост президента всегда беспокойной Мексики, произносит речь во время своей предвыборной поездки по мексиканским городам.

Сторона ненашинская.

Рассказ Бор. Пильняка.

I.

Бог: перерекламен, переболтан, никто не верит, стащили за-многое с неба, на землю, смотрят, как у реки чужого утопленника, — утопленник посинел: — солнце июльское, но кажется, что утопленнику холодно, точно сорок мороза, — качули, положили на тачку и из ушей, изо рта хлынули зеленые помои. — и все-же, в июле, в зной, страшновато, потому что вот тут рядом никогда непонятное *смерть*, и январский холодище бежит по лопаткам, — *смерть*...

Монастырь: мужской, домовитый, с подвалами для напусты, с маковками, как лук, для небес. Монахов разогнали вместе с богом, кто в коммухоз, кто в конокрады, двое при колокольне, один за нотариуса, другой за медика, нотариальная контора и амбулатория в колокольне, в комнате со сводами. В монашских келиях — гарульшая команда, песни, митинги.

Город: вокруг монастыря, камень, дерево, подсады, скука, народный сад, сельтерная местного завода, мухи, — вот вот сорвется кто-то с цепи и побежит благим матом — поюродствовать с горя.

Люди: с горя живут, с горя родились его величество обыватель, купец, мещанин, — а те, кто не продает и не шьет сапог, кому продают и шьют, кто чем то мучится, где то заседает, строит новую Россию, голубает, — этот к городу не относится. У купца, со скуки возникших, для этой скуки такие верины, что мозг должен расплавиться.

Годы: идут.

II.

Земотдел снял (и домовито поступил, морозил) подвалы в монастыре для коммунальной напусты. Десятник Дракин их очищал от мусора, приводил в порядок с помощью двух слободских девок, — одна — слободские, Дракин — жуковский, первый в трактире Европа человек. Около все время тискался монашечко (бородатый, рыжеватый, точно медведь в рясе, точно от сна).

Девки таскали сор, и на дне в подвале (был август, жара), в углу увидели доски, доски водгнили, девки сели отдохнуть, одна вместе с доской провалилась в яму, — Дракин полез осмотреть. В яме были сундуки, а сундуках была церковная утварь, серебро и золото, и чудотворные иконы

Дракин яму вновь завалил, досками уклад, а девкам — по пять золотых, чтобы молчали. Девки купили себе новую обужу-одежу, — в земотделе отбоя не было от слободских баб, просились на службу, хорошо платят в земотделе.

Вот и все.

Прошел год, — то есть: — зима, когда надо купцу спать по двенадцать часов, дуреть от сна и постель, от экономии пребывая в лампадах, — весна, когда купцу надо чертогонить, чтоб не умереть от тоски по прекрасному (у каждого весна есть такая тоска), и чертогоня, чертогонить свою душу, — осень, когда надо на зимнюю спячку и еще рассчитаться с летними подлинками и чаями за подисадом.

И купчиха Лардина побила стекла куличихе Пасудинной: — за мужа, орала на улице непристойности, потому что у нее был

муж, которому она не потакала, а Пасудина была женщиной обильной, доброй, муж был безногий, тихий и жене потакал, и жена ему потакала, когда он пьянствовал с Лардиным.

Стекла были побиты, и Пасудина, обсудив вопрос с мужем и Лардиным, подала на Лардина в народный суд — за срам и за колотые стекла.

Лардина на суде держала себя не тихо. Говорила не по сути дела, но в корень вещей. Орала:

— Я женщина благородная, измываться над собой не позволю. Этот безногий черт — чего глядит? или золото да самогон глаза застят? — Это нешто правило от живой жены к чужой бегать? — А то и пусть бегаёт, не нуждаемся, своего заведем хахали, — а вот он вещи мои ей таскает, а у меня дети. А то вот скажу суду, как цер-

Схватился за голову...

Мсментальный снимок, сделанный с Бсдлуина сейчас же после опубликования результатов выборов в английский парламент.

ковное золото продавали в Москву, и какие деньги открыли торговлю-компанию...

Суд, хотя она только грозилась ему рассказать, дело о золоте воспринял живо.

Судебным следователем был (потом только это бросилось в глаза) — студент Башкин, то-есть родной брат Пасудинной, — Лардину отправили в Москву на предмет психического испытания (потом только узналось, что ездила она по адресу, куда сплавлялось золото), испытание установило ее сумасшедшей, — бумагу представили студенту Башкину, и следователь Башкин направил дело к прекращению.

Вот и все. Дело пошло в зимнюю спячку.

Узналось же дело — вот каким путем. Десятник Дракин попал в тюрьму — по совершенно самостоятельному делу — по обвинению в краже с убийством, по обвине-

Английские выборы.

Вождь рабочей партии Макдональд, в ближайшем будущем возможный английский премьер входит в значимое здание на Даунинг-Стрит 10 где помещается королевское министерство иностранных дел и где проводит сейчас, может быть последние дни своей любимой всеми советскими на одами лорд Керзон.

нию в соучастии. Взяли его прямо из трактира Европа.

Ну, и вот этот самый Дракин, по русскому-педринскому обычаю, топясь, решил топить и все, что можно, и рассказал, что там то и там достали они с купчихой Лардиным и Пасудиным двадцать один фунт золота и шесть пудов серебра, перелавали все это из церковной утвари в металл в бане у Лардина, а продавали — и прямо в Москву, и местному еврею Молассу, а остатки спрятали в бане у Пасудинных.

Вот и все.

III.

Тюрьма: на главном в городе месте, вокруг каменная стена и там белый дом, — и в доме только в первую ночь страшно, потом узнают имя и отчество начальника, и имена сторожей, и приучиваются, как прятать деньги, спички и карты, как коротать время, и свои появляются клопы

виздается солнце, и идут за кипятком, дуют, и здороваются.—кто знает, как шла ночь, каким горем и болями ка-

звон, что таскали из подвала сор, выпустили через неделю; неделя в тюрьме у них шла так: первые сутки они выли, вместе, в один голос, а через двое суток, аресты по их—если не инициативе, то молвному соглашению, и в их пользу—роили публичный дом, в очередь, в мужской камере. Потом их отпустили за их толковость.

Супчих Лардину и Пасудину посадили вместе, и они очень сдружились, жили дружно, выводили клопов далматским способом, а надзиратель Петр Игнатьевич решил им иметь при себе керосинку, бы готовить самостоятельно от арестан-пропитание себе и мужьям, и дежур-ключнику. Одежда они привнесли собственные, перины им запретили. Они донесли на слободских девок—потому, и их мужья стали интересоваться мужской камерой.

В тюрьме было очень тепло, топили хорошо. Еврея Моласса посадили вместе с монахом (долго искали монаха—«боротый, рыжеватый, точно медведь в рясе, но со сна»; таких монахов нашли немного, никак не могли установить, какой из них тискался у подвала, и посадили первого попавшегося).

Следователь Башкин, он же студент второго курса юридического факультета, в эти времена перешедший на второй курс по инерции, две недели сидел покойно, потом, вспомнив туманно, что в тюрьмах являются голодовки, как требования, плохо поняв, в чем тут дело (ибо рассуждая, что от голодовки выигрывает только тюрьма—меньше идет пищи),—все же объявил голодовку, не ел шесть дней, требовал, чтоб его признали невиновным и пустили на свободу, к виновным же прилетал явно неподходящих; но в тюрьме смотрели на дела так же, как и он, и шили:—пусть ломает дурака, самому скучно не есть, а государству доход есть—значит кается.

Потом нескольких из них перерасстрелили,—тут же, за тюрьмой, на церковном дворе тюремной церкви.

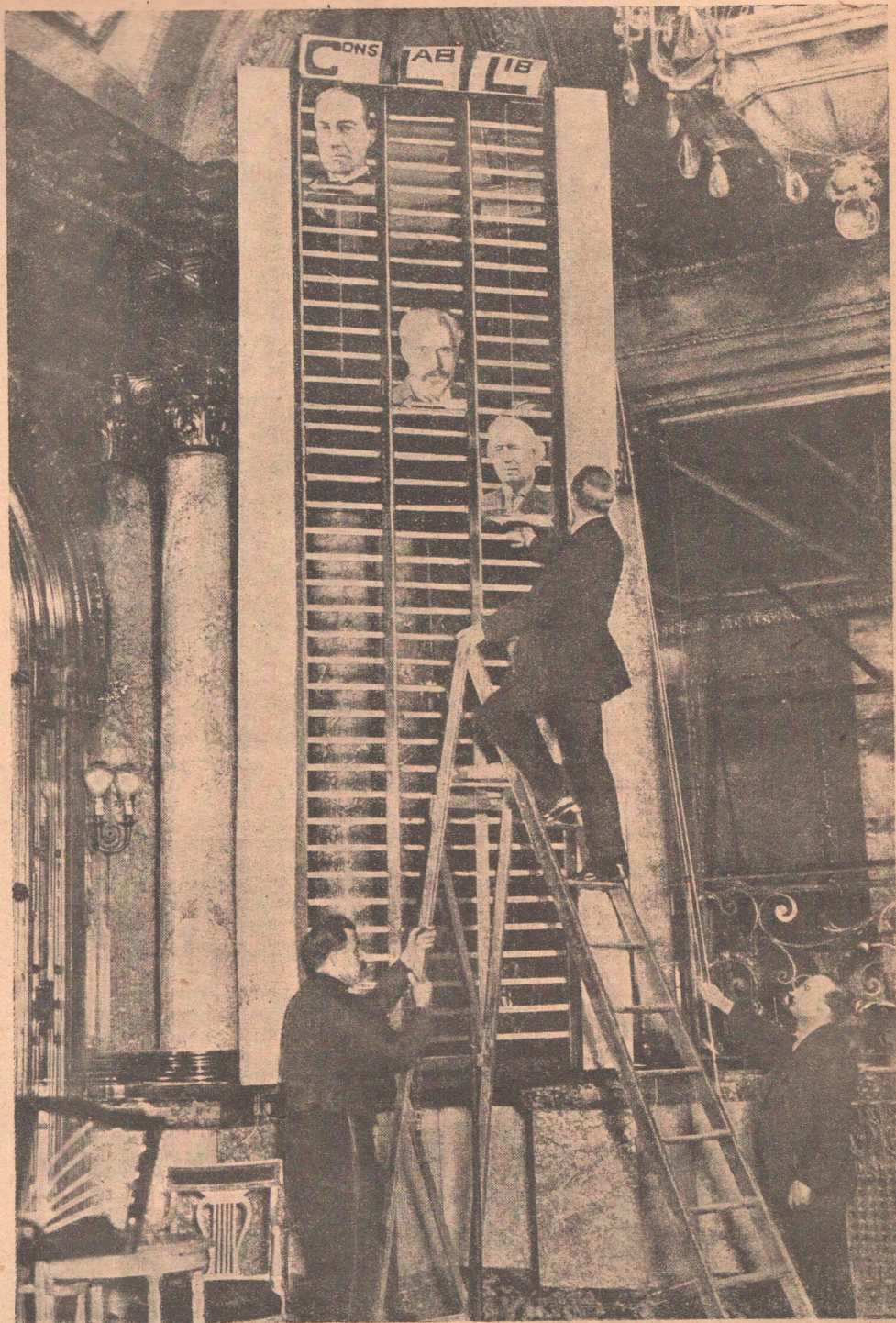
Годы: идут.

Город: камень, дерево, полисады, скука, родной сад, сельтерская местного завода олин (и) ко., мухи,—вот-вот сорвется жарная колонча и побежит благим мам—от тоски, от одури, от горя, от смерковщины, заплещет в народном саду и всему небу разведет такую матершину, о небу станет жарко.

Люди: с горя, живут, родились, его личество обыватель, купец, мещанин—иных, со скуки родившихся, скукой рожденных, у купцов, для этой скуки—такие рыны, что мозг должен расплавиться,—те, кто не продает и не шьет сапог, кому одают и шьют, кто чем то мучится, что думает, где то заседает, строит новую осину, голодает,—этот к городу не отсится.

В городе же идут годы:—то-есть:—на, когда надо купцу спать по тринадцать часов, дуреть от сна и постели, от одиночии пребывая в лампаднах,—весна, гда купцу, как колонче, надо чертогого, чтоб не умереть в тоске по прекрасному (у каждого веснами есть такая тоска), чертогогоня, паскудить свою душу,—на, когда надо на зимнюю спячку...

Бор. Пильняк.

Результаты выборов публикуются при помощи огромной таблицы, по которой передвигаются вверх и вниз в зависимости от количества голосов, портреты вождей трех борющихся партий.

КАМЧАТКА.

Рассказ И. Соколова-Микитова.

Бывает по лесу: тихо, тихо,—и где то чуть шелухнет ветер.—Сперва осина, потом береза, не успеешь хорошенько послушать,—уж говорит лес от края до края, и дальше, дальше,—быстро бежит лесовой шум по макушам.

Так в лесу, так и в людях: слух бежит неуследимо.

Где то, на станции, сказал проезжий человек слово: и быть, братцы, война!—и побжал, понеслось во все концы по макушам: «война война!»—и на долгие дни затужила, загоревала деревня. В некакой деревне пошел мужик в лес, в лыжи, при-

сел в лесу на пенек, глядь—стоит над ним сам, руки в боки, и этак смотрит.—Бросил мужик топоренок и, через пень—колоду, прибежал на деревню, как заяц-русак с гоцу. А через неделю по всей широкой округе разнесло ветром: «видел, мол, качановский пастух Проноп в лесу старого барина: ходит барин, пни считает—проверяет лесок, а глаза, как шилья.—И совсем недавно: прошлезтел по макушам слух—в Архамоновской волости поймал мужик на огороде *нивесть-что*: ни человек *нивесть-что*, ни зверь.—Голос бабий, шерсть овечья, глаза свиные. Пе редавал

Апогей германской нищеты.

Фот. Р.-Р.-Н.-С.

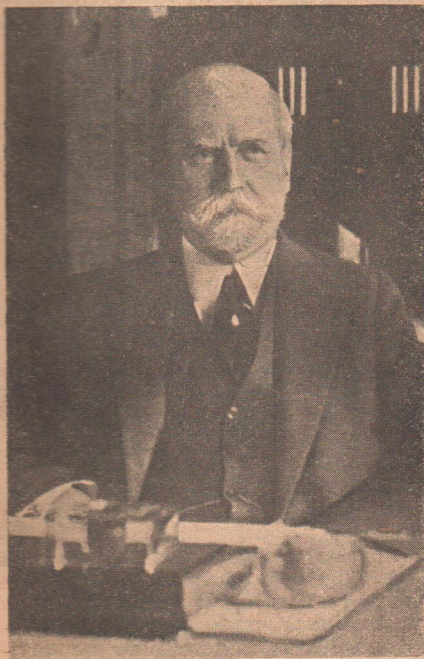

Жизненный кризис в Берлине достиг своей предельной остроты. Рабочие и чиновничьи семьи ютятся по десять человек в одной комнатухе и распродают последнюю обстановку. На снимке фото-корреспондента «Огонька» — чей-то, где живут две семьи и вся обстановка состоит из разрушенной кровати.

слух, что посадил мужик новость-что в сундук и показывает, кому охота, за само-гову бутылку и видели своими глазами: так точно—голос бабий, шерсть овечья, а глаза свиные...

Почтенный фальсификатор документов.

Фот. Дж. Граудепп

Северо-Американский министр иностранных дел, выдвинувший против Союза Советских Республик и Исполкомов Коминтерна совершенно вздожные, опирающиеся на подложные документы обвинения, и изванный Наркоминделом Г. В. Чичериным к третьей судеб.

От извечной ли тоски русской души по путям и далам или от чего другого — уж который раз поднимается по деревне тот же слух о чудесной земле Камчатке.

— Вот, братцы мои,—говаривал на деревне кузнец Максим, ездивший в город за железом.—Вот, братцы мои.—видел я на станции человека, очень человек верный,—говорил он мне, что приехали на

станцию тайные люди, скликают народ на Камчатку. Дают на рыло по пятьдесят миллиардов, дорога туда и сюда, а ехать через всю Сибирь, на два года. Ситного сколько хочешь. А нужны мужики на Камчатку—копать золото. Дело простое.

Извечная ли тоска русской души о земле обетованной или просто заела лихая скука (за эти зимы мужики до мозолей насидели себе зады)—только окреп слух, взвихрился, и через неделю по всей волости только и говорили:

— Приехали на станцию люди, открыли контору,—записывают на Камчатку. На рыло по двести миллиардов, дорога туда и сюда, харч казенный,—есть сколько влезет. А ехать через Сибирь два года. Дело самое плевое—копать на Америку золото. Не зевай, айда, ребята!

Оголтелая, зашевелилась деревня: точно бес вставил мужикам острые шилья. Днем—на сходках, ночью с бабами на палатках, все о том и о том же: айда на Камчатку!—Держались разве старики, да из молодых, кто покрепче,—молчали.

Пришел тот день—собрали мужики копошки, захватили на денек хлеба—харч ведь казенный!—и—айда!—заскулили по деревне охолостелые бабы

Уж как там ходили,—неизвестно. Только на третий день был дома мой кум и приятель Васька, а на четвертый по прежнему вышли мы на охоту, раным рано, и по прежнему, наводя собак, кричал на весь лес Васька: эка-ка! эка-ка! эка-ка!—точно кончался. И когда, подманив на свист глухую тетерю, с удачной охотой остановились мы отдохнуть под старой горелой елью и развели огонь, узнал я от Васьки правду.

— Сходили,—говорил Васька, насаживая сало на прутик и весело крутя своим серым глазом (левый глаз ему выбило на войне оскрепком разрывной пули),—хлебнули лаптем щев.

— А что такое?

— Прогулялись, поцеловали подворотню,—сук им горячий!

— Ну, говори.

Неспеша жарит Васька сало, протянув к огню ноги. От мокрых лаптей идет пар. Поворачивает Васька прутик и сало, шипит, роняет на уголья горящие капли.

— Не отсохнет у чертей язык! Скажи пожалуйста, кто первый пустил!

Английские выборы.

Фот. Р.-Р.-Н.-С.

Новые английские министры.

После ухода Болдуина ожидается создание кабинета рабочей партии. На снимке—исполнительный комитет английской рабочей партии, одержавшей значительную победу на выборах. Крестом отмечен Рамзэй Макдональд, около него английские рабочие лидеры: справа—Сидней Уэбб, слева—Артур Гендерсон.

Женщины — фашистки.

Парад женщин-фашисток в г. Кремоне, устроенный по случаю исполнившейся 30 октября годовщины фашистского похода на Рим, давшего победу Муссолини и его партии.

Ждет своей очереди...

Волею германских с.-д. кронпринц уже разъезжает по Германии. Его незадачливый отец знаменитый Вильгельм II — пока еще в ожидании, совершает свои прогулки скромным старичком в окрестностях Дорна Голландия). Впрочем, неизвестно, хватит ли у германского народа терпения и на кронпринца.

«Ищем, — говорим, — того-сего, хлеба с квасом!»
 Неспеша вынимает Васька из сумки хлеб, облипший тетеревиным пухом, обдувает, кладет хлеб на землю. В кармане у него заткнутая грязной тряпичей бутылка, в бутылке мутная жидкость. — Погрей-

тесы! — говорит он, вынул из бутылки грязную и протягивая бутылку мне. — Наташкина, первый сорт! Я выпиваю из бутылки — на охоте без того нельзя! — закусываю салом и отдаю бутылку. На нас и на наше сало, наклонив голову, смотрит рыжеухий Заливай. В его глазах сказано: «Выпивайте на здоровье, а мне бы корочку хлеба!». Васька отбивает свое и, отломив кусок хлеба, бросает половину в пасть Заливаю. Заливай проглатывает не жуя и опять в его глазах: «Пейте на здоровье, а мне кусочек хлеба!»

— Набралось нас на станции народу, может с полсотни, — продолжает Васька, прожевывая сало, — ходим, шарим. — Под вечер — бац! Откуда их чертей нанесло: окружили нас, — изволь сдаваться! Заперли нас в сарай, ночь проморили, — утром к допросу: — «Зачем произвели скопление?» Тут мы все по чистой: так и так, говорим, пришли записываться на Камчатку. — «Белены объелись?» — Вот вам покажем Камчатку!» Ну, видят сами, никакой тут банды, все люди мирные — и нас по дворам: «идите, — говорят, — не дурите, — невежество такое при революции недопустимо». Так и сходили ночь переночевать.

— Ну что, — улыбаясь говорю Ваське, — теперь веришь в Камчатку?

— А кто ее знает, — отвечает серьезно Васька, — дело простое! Слышно — ни пахать, ни сеять, а золота, как у нас добра на дороге. Счастливей край!

Васькин глаз весело крутится, — может, от самогону, может от приятных представлений. Я смотрю на огонь, на лес, на Заливая и в моей голове зреет мысль: — Кто из нас ближе, — к этой земле, к этому лесу, к огню под елью: я, Заливай или Васька? и мне вдруг начинает казаться, что все возможно и где-то есть, существует счастливая земля Камчатка.

И. Соколов-Микитов.

Япония отстраивается после землетрясения.

Наверху: лагерь и продовольственные склады. Ниже: японская императрица при посещении приюта детей, оставшихся после бедствия без крова.

— Да ты расскажи толком.
 — Чего толком: приходим, — а там ничего, никакой этой конторы. Милиция переволохилась — думала, идет банда. — «Чего вы?» — спрашивают. — «На Камчатку!» — «Угу!» — говорят.
 — Ну?
 — Угу! — говорят. Ходим мы, ищем самую эту контору, у всех выспрашиваем. А там нас, как на волков диких. — «Врете, — слышим, — никак этого невозможно, — сами небось наточили носы! — Дело тайное». Идем молчком. — Подметнулся какой то, женщина кожей обшита, под локтем дырка¹⁾: «Чего, товарищи, ищете?» —

¹⁾ Так называют в деревне начальнические карточки — знак власти.

Восстановление Японии.

Японский снимок.

Работы по восстановлению засыпанного обвалившимися постройками канала Цукуи.

ПО ЗАКОНУ.

Рассказ А. С. Грина.

I.

Наконец, я приехал в Одессу. Этот огромный южный порт был, для моих шестнадцати лет,—дверью мира, началом кругосветного плавания, к которому я стремился, имея весьма смутные представления о морской жизни. Казалось мне, что, уже один вид корабля кладет начало какому-то бесконечному приключению, серии романов и потрясающих событий, обвешанных шумом волн. Вид черной матросской ленты повергал меня в трепет, в восторженную зависть к этим существам тропических стран (тропические страны для меня начинались тогда от зоологического магазина на Дерибасовской, где за стеклом сидели пестрые, как шуты, попугаи),—все, встречаемое мной, моряки и, в особенности,—матросы, в их странной, волнующей отблесками неведомого, одежде,—

круга далеких морей. Меня пленяла фуражка без козырька, с золотой надписью «Олег», «Саратов», «Мария», «Блеск», «Гранвиль»... голубые полосы тельника под распахнутым клином белой, как снег, голландки, красные и синие пояса с болтающимся финским ножом, или кривым греческим кинжалычком, с мозаичной рукояткой; я присматривался, как к откровению,—в неуклюжему внизу расширению длинных брюк, к загорелым, прищуренным лицам, к простым черным, лакированным табакеркам, к картинкам на крышке, из которых эти, впущенные в морской рай, безумно-счастливые герои вынимали листики прозрачной папиросной бумаги, скручивая ее с табаком так ловко и быстро, что я приходил в отчаяние. Никогда мне не быть настоящим моремим волком! Я даже не знал, удастся ли поступить мне на пароход.

Одессу из Вятки. Контраст был громаден! Я проводил дни на улицах, рассматривая витрины или бродя в порту, где, на каждом шагу, открывал Америку. Здесь бился пульс мира. Горы угля, рев гудков и сирен, заставляющий плакать мое сердце зовом в Америку и Китай, Австралию и Японию,—по океанам, по проливам,—вокруг мыса Доброй Надежды! Вот когда география совершила злое дело. Я рылся в материках, как в щелках, но даже простой угольный пароход отвергал мои предложения, не говоря уже о гигантах Добровольного Флота или изящных великанах Русского общества. Было лето стояла душная жара, но, в пылу зное, обливаясь потом, выхаживал каждый день молитвы, останавливаясь перед вьюв прибывшими пароходами и, посл колебания, взбирался на палубу по трапу сотрясаемому шагами грузчиков. Обыч у трюма, извергающего груз под грохот лебедки, под отчаянный крик турка: «Вира!» или «Майна!» торчала фигура старшего помощника с накладными в рука и он, выслушав мой вопрос: «Нет ли вакансий»,—рассеяно отвечал:—«Нет!» Иногда матросы осыпали меня насмешками и, должно быть, действительно казались смешны, с моей претензией быть матросом корабля дальнего плавания,—я, шестнадцатилетний, безусый, тщедушный, узкоплечий отрок, в соломенной шляпе (он скоро потеряла для меня иллюзию «мексиканской панамы»), ученической серой куртке, подпоясанный ремнем с медной пряжкой и огромных охотничьих сапогах.

Запас иллюзий и комических представлений был у меня, вообще, значителен. Так, например, до приезда к морю я серьезно думал, что на мачту лезут по ее стволу, как по призовому столбу и страшился оказаться несостоятельным в этом упражнении. Рассчитывая по крайней мере через месяц, попасть в Индию или в Сандвичевы острова, я взял с собой ящик с дешевыми красками, чтобы рисовать тропических птиц или цветы редких растений. Поступить на пароход казалось мне так же легко, как это происходит в романах. Поэтому, крайне был озадачен тем, что на меня никто не обращает внимания и ученики мореходных классов красивые юноши в несравненной морской форме, которых я встречал повсюду, казалось мне, рождены не иначе, как в салках,—не может обыкновенная же щина родить такого счастливец!

II.

Подъезжая к Одессе, я разговорился в вагоне с подозрительным человеком. Мой взгляд, это был опасный международный авантюрист, из тех, что хладнокровно душат старух, присваивая бриллианты и золото. Поэтому я отправился в соседний купе, чтобы предупредить там пожилого еврейку с большим количеством багажа. С ней я тоже свел знакомство. Вообще в поезде все знали, что я еду «на море» и я у всех допытывался, как поступить на пароход. Я сказал ей, чтобы она освободилась, так как рядом со мной сидит несомненный жулик. Она горячо благодарила меня и, кажется, поверила.

Все произошло оттого, что я никогда не видел таких людей, как этот самоуверенный, хлыщеватый господин с острой нечистой бородой, в золотом пенсне, в голубом клетчатом костюме, лиловых вставках и желтых сандалиях. Он так разваливался, картавил, делал такие напирывающие широкие жесты, что я принял его за шенника, благодаря еще обилию брелка и колец, так как читал, что червонные валюты унижаются драгоценности. Между тем это был, всего на всего, главный бухгалтер Одесской Мануфактурной Пташниковой, человек безобидный и добрый. Узнав, что я еду с одним рублем, что о море и морской жизни имею не более представления, чем о жизни в пампеле, он дал мне письмо к бухгалтеру Капитанову Агентства Русского Обще-

Стоят слева направо—А. Свирский, В. Лидин, Ю. Соболев, В. Львов-Рогачевский, А. Тихонов, Н. Ашукин, А. Неверов, М. Герасимов. Сидят (в том-же порядке)—Л. Гуревич, А. Соболев, А. Эфрос, И. Касаткин, А. Воронский, С. Поляков, И. Новиков.

брати на
 вима
 Но, до
 нта в ду
 ния письма,
 был непоко
 лебимо уве
 рен, что пись
 мо заключает
 какую-то ло
 вушку, или
 страшно ую
 тайну, хра
 нить которую
 меня обяжут
 под клятвой,
 угрожая ре
 вольвером.
 Однако, имен
 но благодаря
 этому письму,
 второй бух
 алтер устро
 ил мне уют
 и полное ма
 тросское со
 держание, —
 правда, без
 жалованья,—
 в так назы
 ваемой «бере
 говой коман
 де».

«Береговой командой» были матросы, кочагары и другие мелкие служащие Общества, к чему-либо неспособные, временно, находились на корабле. Это был полу-лазарет, — полу-богадельня. Можно было здесь встретить также загулявшего и отставшего от рейса матроса или живущего, в ожидании места, какого-нибудь старшего служащего. Всего жило человек двадцать, по койкам, как в казарме; днем, кто хотел работал носильщиком в складах пристани, а ночью нес очередную вахту около пакгаузов Общества.

Отсюда-то и совершал я свои путешествия в порт, упиваясь музыкой рева и грома, свистков и криков, лязга вагонов

на эстакаде и звона якорных цепей, — и голубым зрением свободного, за волнорезом, за маяком, сизого Черного моря. Я жил в полусне новых явлений. Тогда один случай, может быть незначительный в сложном обиходе человеческих масс, на

полняющих тысячи кораблей, — показал мне, что я никуда не ушел, что я — не в преддверии сказочных стран, полных беззаветного ликования, — а среди простых, грешных людей.

III.

В казарму привезли раненого. Это был молодой матрос, которого ударил товарищ ножом в спину. Поссорились они, или, под-

45-тилетний юбилей

проф. П. Худякова.

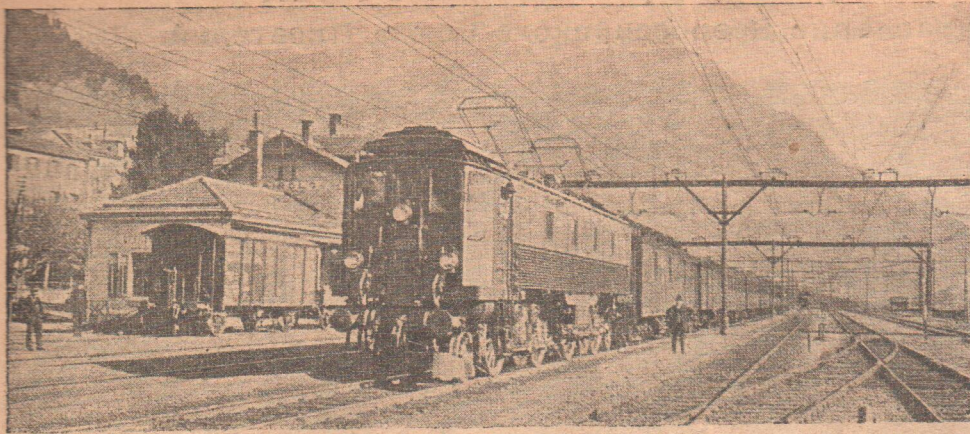

Президиум торжественного заседания по празднованию 45-летней научной и педагогической деятельности проф. П. Худякова в Высшем Технич. Училище.

Слева — направо: 1) Шухов — инженер, известный своими трудами по электромеханике, 2) Цидзик — декан мех. ф-та В. Т. У., 3) Богвар — проректор химии, 4) Сидоров — проф. математики, 5) Левин — студент — представитель от рабфака, 6) проф. Худяков, 7) его супруга, 8) Цейтлин — студент — пред. от рабфака, 9) Черданцев — проректор В. Т. У., 10) Проф. Долгов — член ВСНХ, 11) Круг — декан электро-мех. ф-та В. Т. У., 12) проф. Герке — декан рабфака, 13) студент Флапсерман — представитель от рабфака.

В Высшем Техническом Училище состоялось торжественное заседание по празднованию 45-летия научной и педагогической деятельности проф. П. К. Худякова. Первым выступил нарком просвещения с приветственным словом и приподнесший юбиляру от Совнаркома орден трудового красного знамени. Затем выступил проф. Долгов от ВСНХ и многочисленные представители от разных технич. учебных заведений. Все выступавшие отметили заслуги юбиляра как педагога, так и научного деятеля. Торжество носило сердечный характер и окончилось концертом и товарищеским чаем.

ЭЛЕКТРО-ПОЕЗДА.

Электро-поезд в Америке.

Электрификация большинства американских и европейских стран, использование дешевой энергии падающей воды, дает возможность заменить современные паровые железные дороги электрическими. Принцип электро-дорог не сложен. Элементарно он выражен в имеющихся всюду трамваях. Линию обслуживает электрическая станция, по всему рельсовому пути прокладывается электро-передача и поезд идет,

ЭЛЕКТРО-ПОЕЗДА.

выпивши, не поделили чего-нибудь, — этого я не помню. У меня только осталось впечатление, что правда на стороне раненого, и я помню, что удар был нанесен внезапно, из-за угла. Уже одно это направляло симпатии к пострадавшему. Он рассказывал о случае серьезно и кратко, не выражая обиды и гнева, как бы покоряясь печальному приключению. Рана была не опасна. Температура немного повысилась, но больной, хотя лежал, — ел с аппетитом и, даже, играл в «шестьдесят шесть».

Вечером раздался слух: «доктор приехал, говорить будет».

Доктор? «говорить»? — Я направился к койке раненого.

Доктор, пожилой человек, повидимому, сам лично принимающий горячее участие во всей этой истории, сидел возле койки. Больной, лежа, смотрел в сторону, и слушал.

Доктор, стараясь не быть назойливым, осторожно и мягко пытался внушить раненому сострадание к судьбе обидчика. Он послан им, пришел по его просьбе. Положение ранившего таково, что его будет судить военный суд. У него жена, дети, сам он, — военный матрос, откомандированный на частный пароход (это практиковалось). Он полон раскаяния. Его ожидают каторжные работы.

Электрификация дороги. Рабочие производят ремонт проводов.

управляемый в маленьком отделении, устроенном в одном из вагонов, где в распоряжении машиниста целый арсенал выключателей, распределителей, измерительных и поверочных инструментов и тормозов.

ЭЛЕКТРО-ПОЕЗДА.

Электро-поезд, поднимающийся в гору.

Поэтому-то многие страны строят новые электро-железные дороги и электрифицируют старые. С электрификацией Советского Союза, и у нас возникнет в ближайшем времени вопрос о постройке новых и электрифицировании старых железных дорог.

— Вы видите, — сказал доктор в заключение, — что от вас зависит, — как поступить, — «по закону», или «по человечеству». Если «по человечеству» — то мы замнем дело. Если же «по закону» — то мы обязаны начать следствие и тогда этот человек погиб, потому что он — виноват.

Была полная тишина. Все мы, сидевшие, как бы не слушая, по своим койкам, но не проронившие ни одного слова, замерли в ожидании. Что скажет раненый? Какой приговор изречет он? Я ждал, верил, что он скажет «по человечеству». На его месте следовало простить. Он выздоравливал. Он был, лицом, типичный моряк, — а моряк и «рыцарь» — для меня, тогда звучало неразделимо. Его руки, плечи были татуированы фигурами тигров, змей, флагов, именами, лентами, цветами и ящерицами. От него несло океаном, родиной больших душ. И он был так симпатично мужествен, как умный атлет...

Раненый помолчал. Видимо, он боролся с желанием простить и с ка-

ким-то ядовитым воспоминанием. Он вздохнул, — поморщился, взглянул доктору в глаза и нехотя, сдавленно произнес:

— Пусть... уж... По закону.

Доктор, тоже помолчав, встал. — Значит — «по закону?» — повторил он.

— По закону. Как сказал; — кивнул матрос и закрыл глаза.

Я был так взволнован, что не вытерпел и ушел на двор. Мне казалось, что у меня что-то отняли.

С этого дня я стал присматриваться к морю и морской жизни с ее внутренних, настоящих сторон, впервые почувствовав, что здесь, — такие же люди, как и везде, и что чудеса — самих нас.

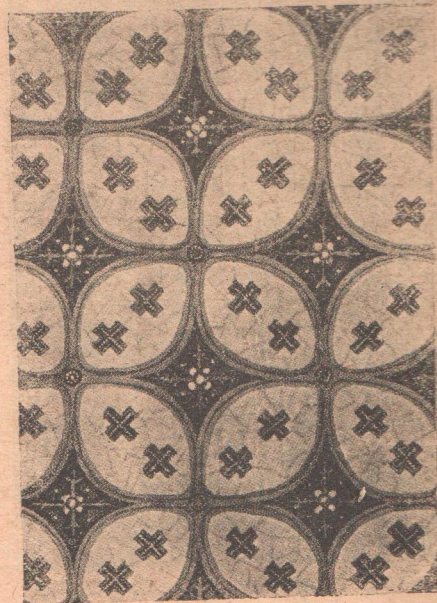
А. С. Грин.

Ковры бывают разных сортов. Большинство из них, европейского происхождения, делаются фабричным путем, ткются и красятся и имеют массовое применение. Меньшинство же ковров, восточного происхождения, делаются кустарным, ручным способом. И туземцы, ткущие восточные ковры, достигли такого совершенства в своем деле, что их ковры являются подлинным произведением искусства. Такие ковры ткют в Персии, Бухаре, Турции, Суматре, Яве и отчасти в Китае и Японии. Эти ковры, особенно ковры определенных местностей, очень дороги. Поэтому-то их значительно меньше, чем массового производства европейских ковров.

Искусство восточной женщины, ткущей ковры, необычайно высоко. Но забитая, ограниченная кругом интересов дома и религии, женщина Востока с удовольствием

непродолжителен век туземной женщины в тех местах Востока, где производство ковров является общей профессией. Двенадцать часов дневной работы кроме времени, необходимого для ведения хозяйства, очень рано выводит работницу из строя и необычайно рано старят.

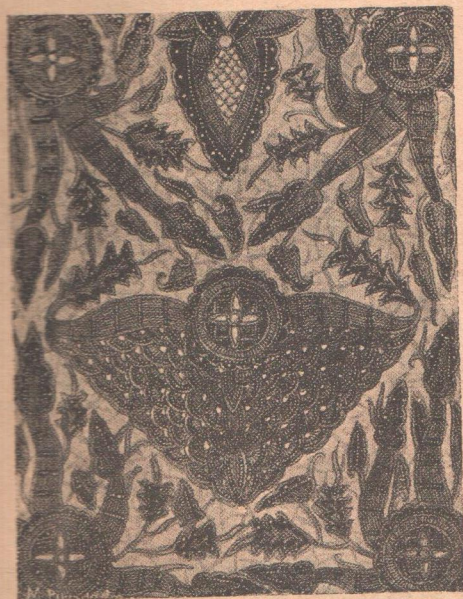
Но ткаем работа над ковром не кончается. Главная отделка ковра—это его протравка и окраска. После труда жен-

Узор яванского ковра.

Ковер с Суматры.

Узор яванского ковра.

занимается этой работой. И даже в применении к быту, при домашнем производстве тканей для одежды мужу или священного одеяния будды, она применяет методы производства ковров. Мужчина при производстве ковров для продажи, также вносит свою лепту: он красит ковер. Сложный химический состав красок в восточных коврах передается по наследству мужчинам и они священнодействуют, делая этот последний штрих в многодневной работе женщин.

Восточные ковры бывают сотканы либо из бумажной пряжи, либо из шерстяной, но большей частью они сотканы из хлопчатой бумаги с примесью грубой шерсти.

Процесс ткачества состоит в натягивании на сложный станок, сделанный из бамбука с известным числом перекладочных палок, основы. По основе женщина-работница тклет узор. Узор ткется по тому же способу, как делается плюш—пер плетаются между собой нити в определенные фигуры и сочетания. В зависимости от узора, способ ткачества по основе может быть горизонтальный, вертикальный и диагональный.

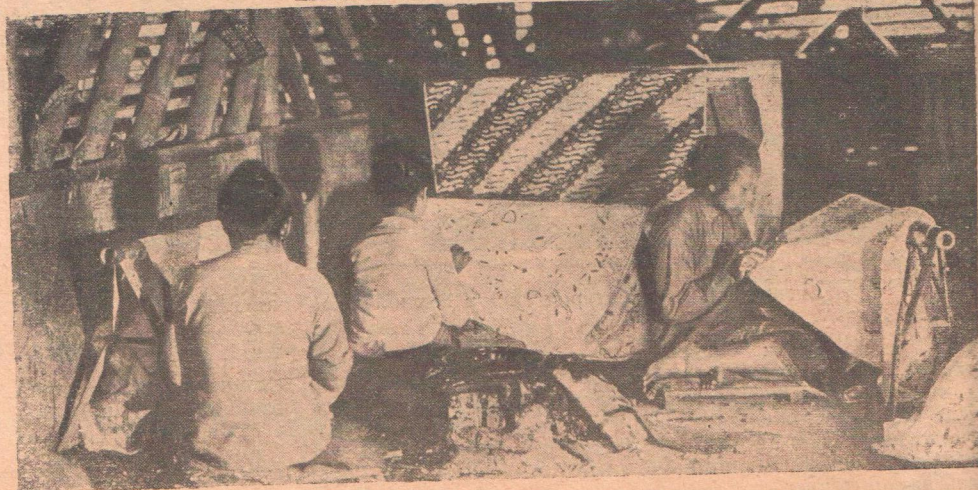
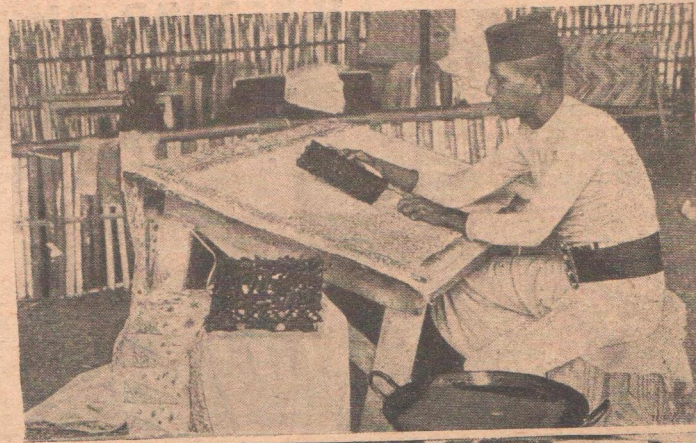
Сложному процессу ткачества ковров и сложнейшему сплетению узоров восточная девушка с измальства учится у матери. С десяти лет девочка начинает уже помогать матери в ткачестве ковров и постепенно вовлекается в самостоятельную работу. А работа эта не легкая. При двенадцатичасовом рабочем дне туземная женщина средней выносливости может выткать лишь один ковер размером 3 аршина на 1½ арш. Отсюда ясно, почему так

приходит необходимость мужской работы.

Любимые краски туземцев различные в зависимости от страны, где ковры делаются. Впрочем, всюду применительны цвета синий, красный и коричневый. Краски применяются почти всюду растительного происхождения и большей частью собственного производства. При появлении искусственного индиго, прежде чем туземцы поняли его преимущество и разницу в цене с натуральным, они пришли в ужас от возможности подражать природе. В виде протрав также употребляется сок лимонов и некоторых трав.

Процесс окраски состоит в том, что у мужчины имеется ручной станок, нечто в виде большого штемпеля, на котором вырезан глубоко тот самый узор, который ткали на ковре женщины. После покрытия ковра протравой, мужчина наносит на свой станок одновременно две-три краски и печатает так ковер из края в край. В зависимости от материала, из которого ткется ковер, есть три различных сорта красок и протрав.

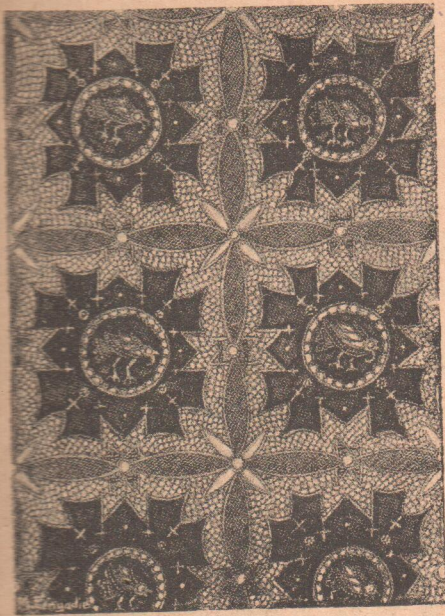
В виду дороговизны и большого спроса на восточные ковры, сейчас они не ткются уже только в отдельных семьях. Пред-

Наверху—мужчина-красильщик. Внизу—в мастерской ковров на острове Ява.

Примитивные люди устроили в Персии на Яве, Суматре нечто вроде больших ковровых мастерских, где производство механи-

На помещенных в журнале снимках показано домашнее, еще не механизированное производство восточных ковров и

Ковер с Явы.

Ковер с Ямайки.

зировано и работает до сотни женщин при пяти—шести мужчинах. Но такая механизация не способствует развитию искусства восточного ковра.

образцы последних, пестрящие многокрасочностью и разнообразием узоров.

М. Смелянов.

ТАТАРСКАЯ ЭЛЛАДА.

Стихотворение *Елизаветы Стырской.*

Пахнет розами и медом
Солью и вином.
Над татарским огородом
Вьется плющ кольцом.

Точно солнца—помидоры,
Перец, как уста.
Завитою гривой горы
Начались с куста.

Елизавета Стырская.

Сжигание вместо погребения.

В начале будущего 1924 г. при Государственном Институте Социальной Гигиены НКЗ открывается выставка по кремации. За границей кремация завоевала полное право гражданства на ряду с захоронением в землю, и контингент привер-

лежало к числу распространенных способов захоронения, причем очень часто это был почетнейший способ, который применялся лишь для знати, царей и знаменитых граждан (напр., у римлян, у древних евреев и т. д.). Однако, продолжительность

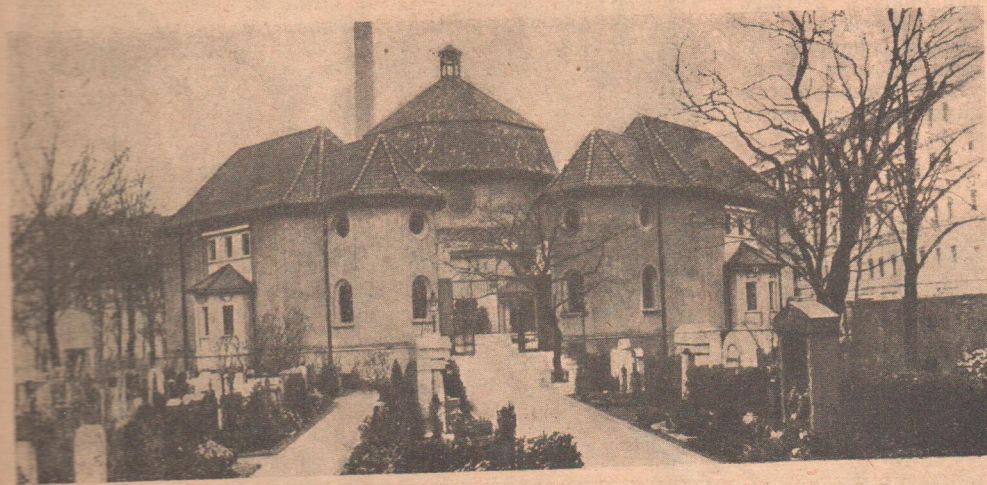
торжественной обстановке в пламени костра сожгли труп члена Конвента Бове. Затем в 1822 г. большое впечатление в Европе произвело сожжение лордом Байроном тела своего друга известного писателя Шелли.

Ряд ученых и гигиенистов в 19 столетии (в 1894 г. Як. Гримм, Молешотт, Петтенкофер, Реклам, Фохт и др.), а также Международные Медицинские Конгрессы (в Москве в 1897 г.) — единодушно высказались за необходимость введения кремации. Все это, однако, были пожелания авторитетных и компетентных лиц и научных органов. Практическое же осуществление этого мероприятия получило в Европе лишь тогда, когда теплотехнике в лице Фридриха Симменса в 1874 г. удалось неприятный способ сжигания на костре заменить специально сооруженной рекуператорной печью.

В 1876 г. и был сооружен на частные средства гр. Келера в Милане первый крематорий, второй в Германии в городе Гота в 1878 г. Примеру их последовали затем различные города Европы. В 1920 г. в Америке функционировало 8 крематориев с числом сжиганий более 14.000; в Германии 55 кремат. более 19.000 сж.; в Англии 14 крем.—1.800 сж. Из приведенных данных ясно видно, что кремация больше всего привилась и распространилась в Германии.

Что же представляет из себя кремация и каковы ее преимущества перед захоронением в землю?

Прежде всего сюда нужно отнести полное сгорание трупа и получение чисто белого и мелкого пепла и легко измельчаемых костей; процесс самого сжигания допускается только в закрытой камере

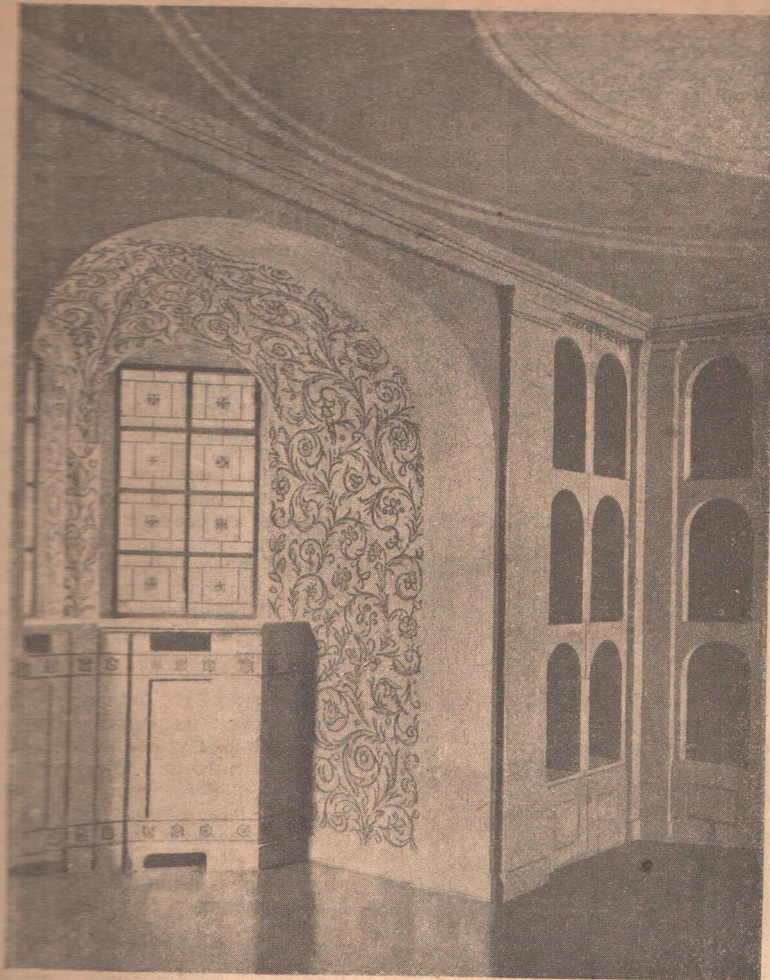

Внешний вид крематория № 1 в Берлине на Герихштрассе.

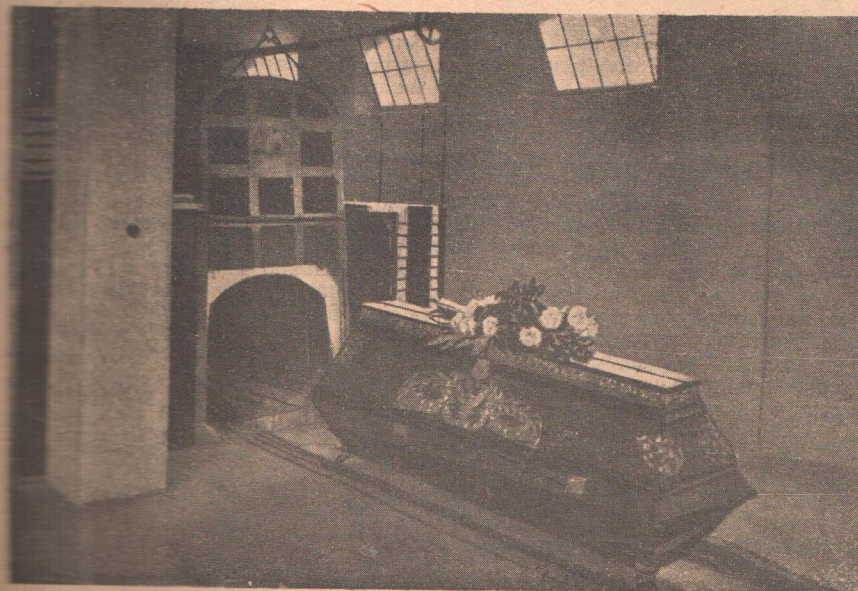
женцев, равно как и число сжигаемых и число сооружаемых крематориев из года в год все увеличивается и увеличивается. Назрело, наконец, время и нам вступить на этот культурный и рекомендуемый санитарией, экономикой и наукой способ захоронения.

Трупосжигание на костре было зна-

этого процесса, распространяемый неприятный запах, смещение пепла трупа с золой горючего материала и др. причины надолго прекратили в Европе трупосжигание. Лишь в 1770 г. к нему вернулись, когда при большом стечении народа был сожжен в Париже труп знаменитой артистки Жан. Через четверть века, в 1844 г. Массаром под в Париже при

Одна из комнат колумбария в крематории. В нишу помещают обыкновенно художественно выполненные из бронзы, мрамора, камня, металла и т. д. урны со вложенной в нее урной с пеплом.

Гроб перед входом в кремационную печь.

кремационной печи и с полным отсутствием неприятного запаха, чем чувства родных не оскорбляются. Стойкость сжигания должна быть возможно низкой, сгорание должно быть возможно быстрее и конструкция печи должна быть такова, чтобы она выдерживала несколько следующих друг за другом сжиганий. Усовершенствование систем печей привело к употреблению угля по 5—8 пуд. для одного трупа при продолжительности сжигания от 50 до 100 минут в раскаленной от 900 до 1100° атмосфере.

При сжигании строго соблюдаются следующие мероприятия: гроб допускается лишь из легкого дешевого дерева, даже с картонной крышкой, без гвоздей и металлических украшений, из других сортов допускается лишь цинковые гроба, которые при столь высокой температуре расплавляются в несколько минут. При сгорании шерстяной одежды, кожаной обуви, подушек из перьев и пуха неизбежен густой дым. Во избежание этого употребляется специальная бумажная одежда, подушки со стружками или опилками и т. д. Любопытно при этом отметить, что продукт сгорания этих посторонних предметов, как более легкий, удаляется наружу через выходной канал и трубу,—таким образом, пепел покойника свободен от всякой посторонней примеси.

В Германии покойник после соблюдения всех формальностей в тот же день увозится в специальной карете (или автомобиле) обычно, без сопровождения родных, в морг крематория. И уже здесь происходит отпевание по ритуалу той религии, к которой принадлежит покойник. Таким образом, отсутствует дорогая стоящая похоронная процессия. К этому нужно прибавить экономию в расходах и работе могильщиков на раскопку земли. Эти материальные соображения являются чрезвычайно важным обстоятельством.

Вид части кладбища с каменными урнами-памятниками. Металлические урны с остатками зарыты в землю.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на иллюстрированный еженедельник **„ОГОНЕК“**

Условия подписки см. на обложке настоящего номера „ОГОНЬКА“.

На Украине. Атаман Грозный.

Бандит Грозный, оперировавший в Черкасском округе с 19 по 22 г., разгромивший не один завод, не один колхоз, бывший уголовный преступник, примкнул к петлюровским частям, а в 1919 г. Грозный организовал свою банду в 300 человек с несколькими пулеметами и конницей. Она производила зверские убийства и грабежи, стараясь придать себе идейную окраску петлюровщины. Особенно трагичной была гибель винявской волостной комбейки в числе 11 чел. Эта ячейка не раз трепала банду и ни одного раза банда не вошла в село, несмотря на многочисленность ее. Ячейка отражала всегда каждый подход банды к селу, находясь день и ночь во всеоружии на погах,—днем работа, ночью охрана и посты. Наконец, все измучившись до упадка. Банда далеко.

Решили отдохнуть и в ту же ночь при помощи кулаков села, явилась банда под руководством Грозного. Началась жуткая картина—схватка не на жизнь, а на смерть самоотверженных сынов деревни с обнаглевшей бандой. Так героически погибла вся волостная ячейка. Спасся один из них предволисполкома тов. Кулинич. Он доносит Черкасскому Партийному Комитету на клочке архивной бумаги:

«Доношу, что в ночь на такое то число почти вся наша комбейка героически погибла в бою с бандитами Грозного. Остался один я. Прошу считать ячейку существующей. Я буду работать один за всех. Прошу прислать комиссию для расследования, до приезда напругу все усилия, чтобы работа ячейки и исполкома шла хорошо.

Предволисполком и за секретаря ячейки Кулинич».

Предложение в кратчайший срок уничтожить банду. В течение 3-х недель преследуем ее. Банда поредела. Осталось до 200 чел. Грозный с бандой все время прячется по лесам, видя безвыходное положение, ибо мы вооружили против банды независимых. В селах Антон Грозный оставляет за себя Прятку и Петренко, а сам направляется к границе, чтобы узнать, как перейдет ее. Я написал Прятке и Петренко письмо с предложением сдать Соввласти, обещая им жизнь и возможность спокойно заниматься трудом в своих хатах, и предлагал им приехать ко мне. Получил ответ с приглашением приехать в гладунский лес. По дороге в лесу меня встречает бандитская застава из 3-х человек и приводит к месту, где банда уже вся в сборе. Меня ждут. Поздоровавшись с ними, я с места в карьер приступил к переговорам. Я попробовал поговорить

вначале со старшими, но все они закричали мне:—Мы одиноки—и пришлось в присутствии всех, вернее всей банды, начать переговоры.

После 3-часовых переговоров банда целиком соглашается сдать на завтра, придя в село Орловец, на предложенных мною условиях. Дело идет к вечеру, я узнаю, что кто-то банду провоцирует, подбивая не сдаваться, говоря, что как только они сдадутся, их перестреляют. В доказательство, что я их не обману, я один остаюсь у них ночевать в лесу. Прятка согласился. Отвели меня в хату лесника, а сами ушли. Помня, что я все же один среди банды, я попросился у хозяина спать в отдельной маленькой комнате. Вдруг часа в 2—3 ночи стук.—Кто?—Мы, партизаны.—

Атаман банды, оперировавшей в черкасском округе с 1919 г. по 1922 г. и убитый в родном селе 25 сентября 1922 г. группой сотников в 3 чел. с нач. группы тов. Бергавиновым.

Я отвечаю:—Хлопцы, я открою только утром.—Они ушли. Затем вторичный нервный стук в дверь. Я вздрогнул, почувствовал,—что-то неладно. Спрашиваю:—Кто там?—Открываю, ибо узнаю по голосу. Действительно, передо мной крестьянин из Орловца.

— В чем дело?—Он шепчет:—Товарищ Бергавинов, тикайте скорей. Я вас проведу. Банда сдастся не хочет. Хорошо, что вы не открыли. К рассвету они вернутся за вами. Бежим.

Опушкой леса мы прибежали в Орловец. Там беспокойство: приготовлен отряд в погоню за бандитами мне на выручку. К утру в Орловец съезжаются крестьяне окрестных сел на ярмарку и посмотреть на сдачу банды. Уж слишком она насолела всем. На площади к 10—11 час. утра народу до 5 тысяч. С прибывшим на автомобиле с городищенского сахзавода ду-

ховым оркестром я устраиваю тут же, на пожарной площади митинг. Делаю доклад о переговорах, что банда не сдалась, что она хочет продолжать разорять хозяйства. Смысл моей речи—побудить крестьянскую толпу принудить банду сдать. После моей речи выступают десятки крестьян и все говорят, что банду надо ликвидировать так или иначе. Выбирают добровольную делегацию идти в лес и требовать от банды сдачи ее Соввласти. Вдруг: тут же на площади открываются ворота церкви, и из нее выход т. поп, отец Николай со всем причтом и в облачениях. Мелькнуло в голубе: сорвет мой успех. Толпа дает ему дорогу, он подходит и просит слова, и предлагает себя в делегацию. Его принимают. Делегация с попом трогается в лес. К вечеру вернулась с запиской Прятки и Петренко, где пишут:— пусть придет к нам т. Бергавинов и мы поговорим о сдаче. Приехал. Меня схватывают свави и хотят расстрелять. Я говорю речь, которая повлияла на них. Все кричат:— он правду говорит. Соввласть— наша власть,—и большинство из них плачет.

На утро в Орловце была интересная картина: бандиты свободно разгуливали по селу. Сделали митинг. Выступали и бандиты. Все они говорили одно:— нас обманули.— Сами они заготовили знамя с надписью: «Черкасскому Исполкому от бывших бандитов. Да здравствует Соввласть на Украине».

5 сентября 1922 г. я в полном вооружении привел банду в 200 чел. в Черкассы, где они получили документы об амнистии и сейчас живут и даже помогают нам в ликвидации мелких шаяк, если они где появляются. Вот как мы избавились от крупной и зверской банды, которая терроризировала наши места. Состав банды все крестьяне, верхушки—учителя, как Прятка, Петренко и др. Ровно через 20 дней прибыл с Городицы и сам атаман Антон Грозный с 4 бандитами и, не застав банды, хотел уходить назад за помощью. Его и прибывших бандитов мы в ночь на 25 сентября захватили в одной хате, в селе Буде-Орловская. Грозный и 4 бандита, среди которых был брат атамана Голого, были убиты. Сейчас в нашем Черкасском округе совершенно спокойно и крестьяне, чуть где появится какой-нибудь бандит, ловят его сами.

А. Бергавинов.

ДУШЕВНО-БОЛЬНЫЕ.

Очерк Мих. Артамонова.

В подмосковной усадьбе Бекетова, а позднее купца Канатчикова, у которого земля была приобретена городским головой Алексеевым, много лет назад был построен специальный дом для душевнобольных, носивший сначала имя городского головы Алексеева, а позднее переименованный в больницу имени доктора Каченко. В связи с возрастающим у населения интересом к этому роду заболеваний и, кстати сказать, с значительным их ростом, я отправился на осмотр больницы душевнобольных. «Канатчикова дача»—это своего рода город умалишенных, в нем до 650 больных. С левой стороны от центрального административного здания расположены три корпуса

мужских, справа три женских, сзади корпуса для хроников, а в центре их отдельное здание кухни. Перед этими корпусами при входе ряд других,—общеститы служащих, которых насчитывается до 560 ч., клуб; к ним примыкает фруктовый сад, огород, оранжереи, в которых в летнее время работают на воздухе душевнобольные, сады для прогулок, дальше по оврагам парк; это поместье душевнобольных занимает 56 десятины земли.

День был праздничный. К больным с увелками домашнего печенья и фруктов подошли родственники и знакомые на свидание. Главный врач П. П. Бруханский, старый психиатр, 30 лет работающий в больнице, сопровождает меня по палатам,

знакомая с бытом этого своеобразного мира. Хотя отдельные корпуса мужской половины (также, как и женской) соединены крытыми, теплыми корридорами, нам приходится обходить по улице: одно из зданий заняла трудовая школа.

— Это совсем не подходящее для детей соседство,—говорит врач.—Школе не место в сумасшедшем доме. Об этом уже спохватились, как говорят, в МОНО и школа наверное будет переведена в другое место.

Прогулка по палатам.

Мы заходим в приемное отделение, где находятся больные до определения формы и характера их болезни и откуда после

...отделением. В небольших комна-
тах приемного отделения одни лежали
на кроватках, безучастно смотря на окру-
жающее, другие свалили туда и сюда.
Первым подошел мальчик лет 14. Он
показывался с врачом за руку и стал про-
сить тетрадь в карандаш. «Я пишу стихи,—
сказал он,—а писать не на чем. И потом надо
краски, я буду рисовать». Еще не кончил
говорить мальчик, подошел рослый де-

тина—вор-рецидивист, признанный судом
невменяемым и посланный на принуди-
тельное лечение; он начал говорить о том,
что ему пора на свободу, что его напрасно
держат, он хочет подать заявление проку-
рору.
— Но ведь вы знаете, постановление
суда, знаете обстоятельства и поводы по-
становления и за чем посланы сюда.
— Кто же теперь не вор, доктор, теперь
все воры, и ничего в этом нет особенного!

— Уберите от меня пожалуйста эту
собаку, она лезет ко мне целоваться,—
обращается к доктору лежащий на кровати
больной, указывая на другого больного
в углу.—Он под электротокком... да, имен-
но, под электротокком.
— Вы хотите сказать, что он находится
под воздействием внешних сил и толкае-
мый ими, бессознательно...
— Вот, именно. Я, наконец, чорт возьми,
так ему заеду...

1-ая показательная Выставка собак.

Очерк А. Тулова.

Фот. Отто Шмидт.

Большим событием в охотничьем мире явилась организованная
Московским Губернским Союзом Охоты Выставка собак. Устроилась
она в первом этаже Верхних Торговых Рядов и заняла помеще-
ние во всю длину от Никольской до Ильинки. Но и это—большое
помещение, едва вместило в себя всю массу записавшихся друзей
животного мира. Собаки были всякого рода и характера. Экземпляры от
малых комнатных собачек до серьезных по виду и делу полицей-
ских собак, прекрасные представители которых принадлежа-
ли ГПУ и помещались среди военных их конвоиров. Превос-
ходные бульдоги, оцененные экспертизой очень высоко, собрали
много золотых медалей к большому удовольствию их владельцев.
Охотничьи экземпляры собраны были не с одной Москвы. Много
было доставлено из уездов и даже других губерний. Отличитель-
ная черта охотничьих собак—это относительная их молодость,
таким же старые, выдающиеся особи в значительной степени
исчезли во времена разрухи и голода. Но эта подростная моло-
дость, особенно английские сеттера и ирландцы, пленяла публику
красотой своих форм и окрасок. Класс их был представлен боль-
шими десятками экземпляров и доставил их владельцам высокие
награды—медалями и призами. Относительно мало было борзых и
терьеров, да это и понятно. И те и другие с переменной успеш-
ностью выжили, во многих местах
исчезли или почти исчезли. Стайка гон-
им была только одна гр. Хлебни-
и была награждена золотой
и призом за экстерьер и
и редкость. Англичане и Ирланд-
и были каждого класса по 50—60
представителей, пойнтеров около 75,
и—19, черные сеттера, немец-
и, лайки, фоксы и таксы
и несколько экспонатов.

Гейша—порода
Колл'я. Золотая
медаль и приз.

виданным зрели-
щем—Выставкою
Собак—начиная
с деревенского
охотника и кон-
чая представителя-
ми советской
власти.

А. Тулов.

Собаки, премированные на Выставке.

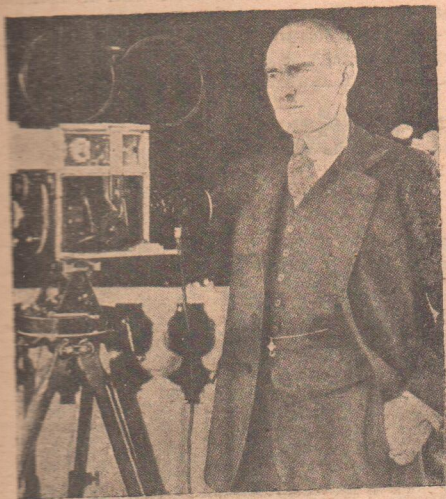
Фот. Отто Шмидт.

Видно: Центральная школа инструкторов по применению собак к пограничной службе. Две лучших собаки: «Брандо» и Ханни».
Порода Доберман-пинчер. Именные золотые медали и почетный ошейник. Направо борзая «Занова», имеет золотую медаль и
почетный ошейник, принадлежит А. И. Красловой.

Наконец, настоящий говорящий кино.

Вопрос о создании говорящего кинематографа, т. е. такого аппарата, который бы одновременно и в точности передавал движение и звук, производимый этим дви-

Д-р Форест, изобретатель «Фоны-Фильмы», перед своим аппаратом.

жением—принадлежит к числу тех проблем, над которыми за последнее время долго и упорно работали и в Германии, и в Америке и даже в самые тяжелые времена у нас в России (проф. Лифшиц).

Но все попытки разрешить эту проблему до сих пор оказывались неудачными. Они или умирали в тиши ученых кабинетов, или же давали столь ничтожные результаты (как, напр., разрекламированный одно время «говорящий кинематограф» Эдисона), что они быстро и бесследно исчезали.

Ошибка первых изобретателей заключалась в том, что они механически пытались соединить кино с нынешним граммофоном. Но не говоря уже о крупных недостатках этого последнего, передающего звук искаженным, а некоторые звуки не передающего совсем, неудача всех попыток соединения кинематографа с фонографом объяснялась в первую голову невозможностью получения необходимого синхронизма, т. е. точнейшей одновременности звука и движения как при съемке, так и при проецировании.

За последние годы научная мысль, рабо-

тающая в этом направлении, отказавшись от старых опытов, положила в основу своего изысканий следующий принцип. Для получения синхронизма необходимо и движение и звук записывать на одной и той же кинематографической пленке с тем, чтобы при демонстрации эта пленка одновременно давала экрану — картину, а соответствующему звукопроизводящему аппарату — тоны, тембры, слова.

Этот принцип оказался совершенно правильным, и этим летом печать сообщила о двух одновременных изобретениях в этой области: в Америке, где д-ром Ли-Форестом сконструирован аппарат и пленка к нему, которую он назвал «Фоны-Фильмой», и в Германии, где группа изобретателей (И. Мазолль, Г. Фогт и Д. Энгль) построили камеру и проекционный аппарат, названные ими Три-Эргоном и разрешающие задачу говорящего кино.

Прилагаемые при сем снимки дают упрощенную схему сущности изобретения. Первый рисунок показывает схему съемки. Звук воспринимается рупором, который передает его усовершенствованному микрофону, названному изобретателями катодофоном и совершенно неискажающему звук. Катодофон превращает звуковые волны в электрические, которые при помощи особого аппарата усиливаются и

передаются по проводам к лампочке. Изменения интенсивности света и продолжительности световых волн записываются через линзу на кино-пленку, на которой одновременно обычным путем запечатлевается действующее лицо.

Рисунок второй показывает схему проецирования «Фоны-Фильмы». Через щели фильмы пропускается свет, который, попадая в фото-электрическую камеру, трансформируется в звуковые волны. Волны эти проходят через усилитель и по проводам передаются к экрану, где и выходят через громко говорящие рупора.

Насколько удачно изобретение Фореста я не знаю, основываясь только на сообщении нью-йоркских корреспондентов немецкой специальной печати.

Что же касается «Три-Эргона», то я был на первом демонстрировании этого аппарата для представителей печати в Берлинском Шуберт-Зале, и должен сказать, что действительность превзошла мои ожидания. Синхронизм и чистота звука изумительные, музыка, пение и речь передаются безупречно четко, и точно с жестом. Только, повидимому, не разрешен еще вопрос с засъемкой звука на расстоянии, т. к. все

Рис. 2.

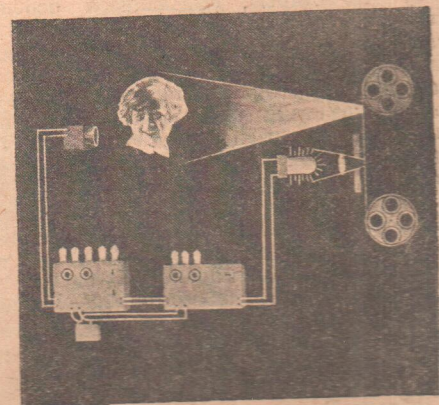

Рис. 1.

демонстрировавшиеся фильмы были показаны первым планом.

Но во всяком случае—90 процентов задачи разрешено, и говорящий кино существует!

Николай Лебедев.

Беспокойные.

Стоит ли говорить, что это бред. Мы возвращаемся к выходу и смотрим на больных; одни из них с постоянной великой огромной радостью в сердце, другие мрачные, в припадке сильной тоски, то буйные, то слабые; мы уже хотим пройти в коридор, как, услышав, что идет врач, встал на колени у кровати старый человек с вытеченными глазами и протянул вперед руки. Каждый раз он делает так, когда проходит доктор. За столом в другой комнате сидел румяный, плотный человек. Казалось, он очень доволен. Он смотрел вперед в одну точку и долго улыбался сам для себя. Как будто, он увидел что-то особенное и это радовало его и волновало.

— Ну, как живем?

Радостный человек обернулся, увидав врача и просветлел еще больше.

— Прекрасно. Вот, доктор, в деревню бы съездить. Пожить мне там хочется. Сейчас там начинаются полевые работы, сенокос.—мечтательно говорит больной человек, не подозревая, что на дворе поздняя осень, хотя и глядит на голый двор с облетевшими и затоптанными в грязь листьями сада и на морозящий при порывах ветра ударяющий в стекла, осенний дождь. При выходе слышим бред больного о воображаемом восстании, о свержении монархии и тайном заговоре.

В беспокойном отделении изоляторы, одиночки. До революции в них запирали больных на замок. Теперь запирание изжито,—это своего рода большая реформа в деле лечения больных и действует она благотворно на восстановление их умственных сил. В одиночках рамы с корабельными стеклами, которые не разобьет больной ни кулаком, ни единственным своим орудием—деревянной ложкой. В некоторых отделениях нет кроватей и матрацы лежат прямо на полу, т. к. зачастую больной вооружается кроватью, бьет ею стены, окна и дверь, ломает железные прутья, которые служат ему орудием нападения. Теперь к запиранию прибегают в особо исключительных случаях и каждый раз с особого разрешения главного врача. Здесь собраны антисоциальные больные, особенно беспокойные с агрессивными и разрушительными наклонностями, часто опасные для окружающих. Одни встречают врача руганью, другие безостановочно воют и плачут беспредметными слезами. Одиночки выходят в узкую и длинную, похожую на коридор, палату, в которой поставлены кровати с короткими ножками, так что больной лежит не выше, как вершка на два от пола. Многие сваливаются с кроватей и это спасает их от ушибов при падении. Осмотрев по дороге стоявшие

три года закрытыми пустые палаты, в которых заканчивается ремонт, благодар чему явится возможность увеличить число больных человек на 100 (уже и теперь палаты загружены, в них на 150 ч. боль предельной нормы), зайдя в кухню и отведав больничного обеда (довольно вкусные рыбные щи и каша), мы проходим отделение буйных. Здесь такая же обстановка—кроватьи больничного типа и в одного лишнего предмета, которым мог бы ранить себя или других больной.

Увидев врача, человек с окладистой бородой, лежа на кровати, подал ему руку и начал жаловаться и рассказывать может быть, в сотый раз, как у него отняла фабрики, заводы, магазины. «Я теперь разорен! У меня ничего не осталось! Я нищий!» Когда отошли, врач сказал, что это просто его фантазия, у него ни фабрик, ни заводов. Он помещался на потере несуществующего богатства.

— Ну, как? все еще рвешь?

— Пока перестал,—ответил врачу радудалого типа человек. Он перервал больнице много белья; рвал рубашки, халаты, одеяла; это повторялось каждый день. Тогда врач распорядился выдать ему его собственное, принесенное с собой, белье. И больной перестал рвать.

— Почему же вы раньше рвали?

Оторвешь рукава да на ноги. Вы сами доктор, знаете: держи голову в холоде, брюхо в голоде, ноги в тепле.

Один из больных стал просить врача: — Вы меня выпустите, пожалуйста, я уже здоров, я это чувствую.

собираетесь?

— Да, да.

Больной помешался на религиозной почве, служит в палате молебны и обедню.

— Разрешите мне,—изволил в коридоре другой больной,—повидаться с деть-

тал на такой то фабрике, 18 лет жил с женой, у меня дети... меня все бросили, жена живет с другим, нашла здорового человека.

Женское отделение.

— В женском отделении вы увидите больше проявлений цинизма, расущен-

Честертон в Московском Камерном театре.

Очерк Г. Геронского.

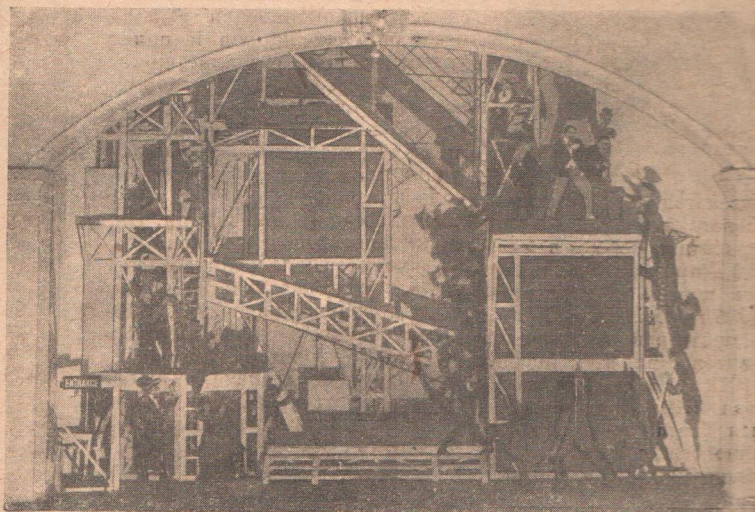
Английский писатель Честертон. Острый публицист, любил быта, искатель противоречий и смеха сквозь слезы. Легчайшая манера писать, неожиданность развязок.

Роман «Человек, который был Четвергом». Сыщики, авантюристы. Подобие масонской ложи из семи потрясателей истины—на самом деле тайных полицейских агентов. Слежка друг за другом, рискованнейшие приключения, колоритные раскрытия имен и лиц. Мистика, обрядность, дни недели вместо человеческих фамилий—все вместе только элемент приключений. Действия настоящих анархистов, террористические акты, убийство короля. Авантюрный, детективный роман, пинкертоновщина для оксфордских студенток и стареющих лордов.

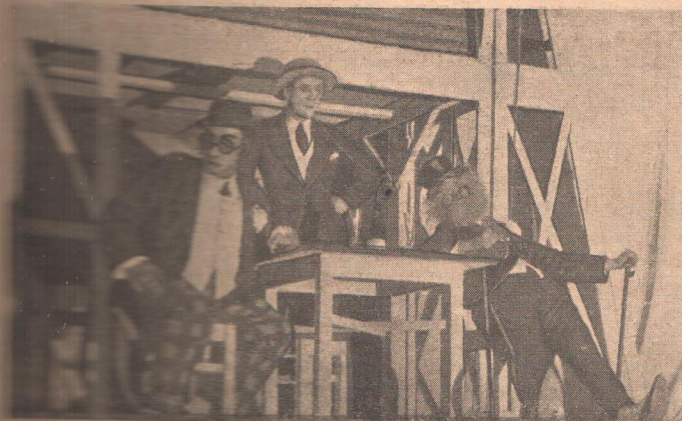
Московский Камерный Театр. Десятый год существования. Формальная, задолго до 1913 г. выявленная революционность, путаная идеологическая линия, нерешительные сдвиги. Театр томных дам, бунтарей в белых рубашках. Впоследствии—храм интеллигентных эспанов и прелегических музееведов.

«Сестра», «кошмар», просто пьеса «Человек, который был Четвергом». Почти двухлетняя подготовка, премьера по возвращении из чреватой последствиями заграничной поездки. Напряженное ожидание прессы и привычной публики.

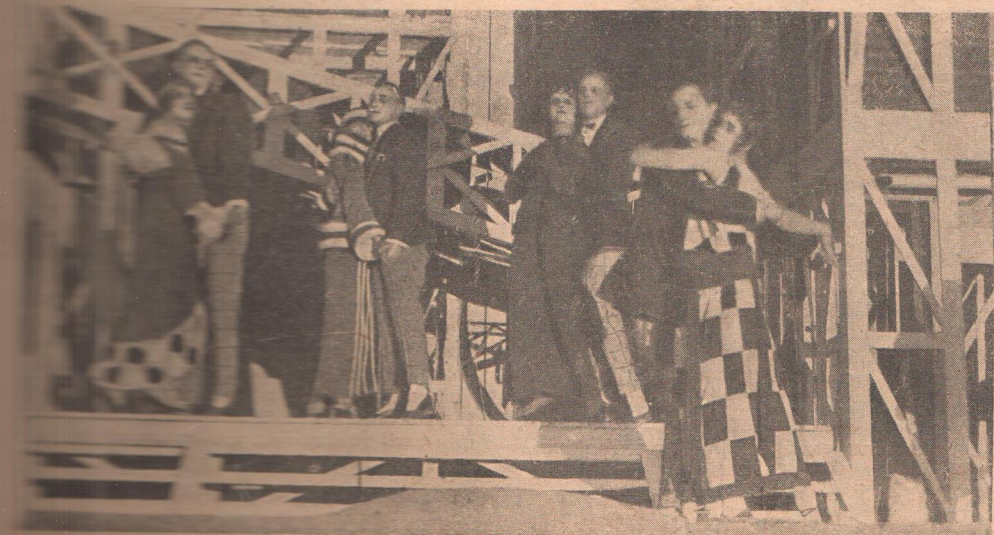
Дизайнер—архитектор Веснин. Сложная, вокзальная постройка. Три лифта на сцене. Подвижная система рекламы. Тротуар, с автомобильной быстротой перемещающий актеров. Европейские костюмы и манера—возникает эта ложно-классическая, «новомодернистическая» сцена. Много нового, много от Европы, много крадущего,—ставящего спектакль технически

Сцена Камерного театра. Декорации Веснина.

Отдельные картины постановки «Человек, который был Четвергом».

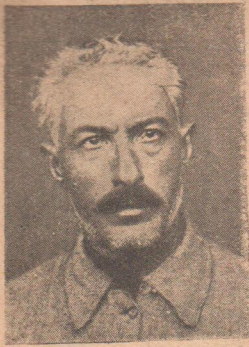
выше аналогичного «Озера Лилль», чьей преждевременной постановкой Мейерхольд ослабил эффект камерной выдумки.

Ущербленный Честертон. Неудачно приспособленный текст с мистикой на первом плане. Нотки Леонида Андреева, Пшибышевского рядом с британским смехом и авантюризмом. Разброд в испытанных артистов. Холодное, далекое, безукоризненное и безжизненное мастерство.

Нет революционного шестилетия. Нет европейских громов и потрясений. Только «Закат Европы», где способные и утонченные русские интеллигенты под конец заблудились. Их возвращение заставило убоиться кризиса Камерного Театра, до «Четверга» равнявшегося на самые передовые, пророчески-современные театры вселенной.

Геронский

Из грузчиков в председателе батумского совета.

Председателем батумского горсовета избран г. Ахаладзе. Он работает теперь в береговой артели грузчиком. Член партии с 1907 года. В 1905 г. бежал в Грцию от преследования агентов правительства, где пробыл до 1912 г. Во время владычества меньшевиков скрывался, был арестован, но удачно бежал. Работал на бакинских промыслах.

В больнице он видел многое, его уже нельзя ничем удивить. Были среди больных интеллигентные девочки лет по 17, старые женщины и неопределенного возраста, толстые, расплывшиеся, с ухватками уличных торговки. Опустившаяся нестарая женщина взяла меня под руку: «давайте говорить. Познакомимтесь!» Но когда подошла девочка и хотела мне что-то сказать, первая дала той пинка и набросилась, как кошка. Это произошло мгновенно. Я еще не понял хорошо, в чем дело, как ты и другую схватили надзирательницы и развели в разные углы.

— Но вы, конечно, зайдете ко мне, я вас прошу. — делает жест одна седая старая женщина. — У меня сегодня гости. Так не забудьте, ведь вы знаете, где я живу? Пожалуйста. Буду ждать. У меня, кстати, такое дело... я здесь не хочу говорить. Вообще, здесь такой народ, с которым я имею мало общего. Моя комната вот там.

— Да, я знаю, — отвечает врач. — Непременно.

Какая-то женщина, смеясь, кричала с кровати:

— Во мне ходит игла, доктор. Сегодня она у меня в сердце.

В этом буйном женском отделении, так же, как и в мужском, изоляторы или одиночные камеры открыты.

Миная палату за палатой, проходя по лестницам с проволочными сетками выше человеческого роста, чтобы предотвратить самоубийства, мы входим в комнату, где собраны женщины с склонностью к самоубийству. Они не обращают ни малейшего внимания на наш приход, многие не поворачивают головы, не отвечают на вопрос, глядя в одну точку на стене и переживают приступ острой тоски, когда от боли разрывается сердце, когда человек забывает все человеческое и острая боль туманом заволакивает сознание.

Раздача на руки.

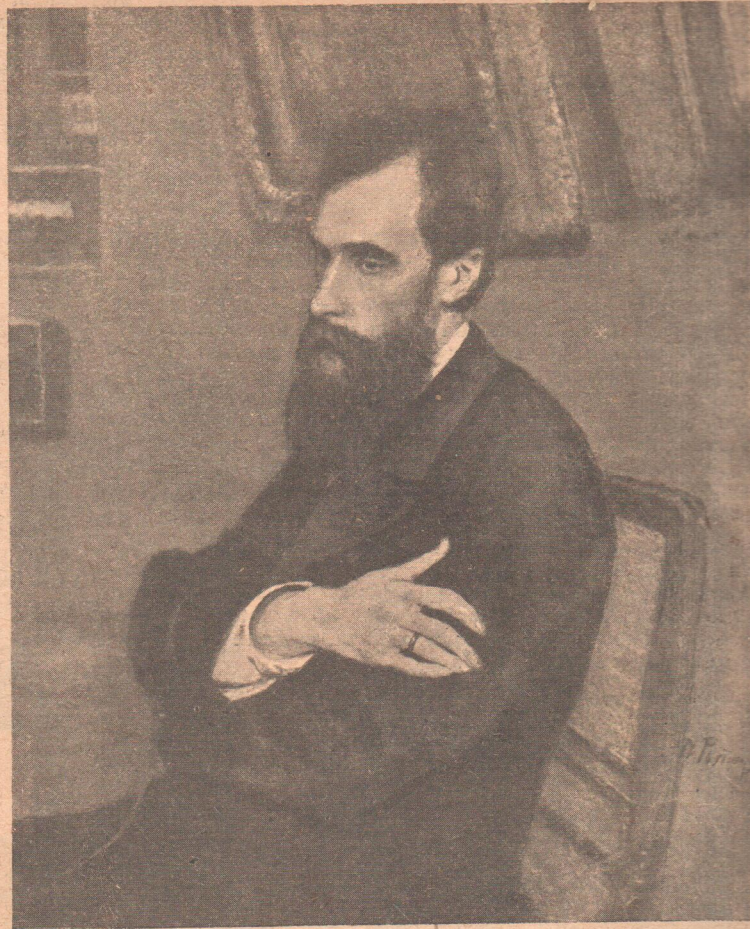
Число поступлений больных сильно поднялось, — рассказывает главный врач. Хотя точного учета и не ведется, но едва ли ошибемся, если отметим, что заболеваемость повысилась в два раза, против довоенного времени. Теперь налажен у нас больший обмен больных. Каждый больной в среднем проводит в больнице не больше 3 1/2 мес., тогда как средняя продолжительность в довоенное время равнялась 7—8 мес. Вот на этом более интенсивном обмене мы и выигрываем, пропуская через больницу в два раза большее число больных.

Хроников поступает гораздо меньше, хотя не мало еще осталось их от пре-

ности, — предупреждает врач. — Возможно, что встретите какую-нибудь непристойность. Женщины, больше распускаются, чем мужчины, низменные инстинкты их проявляются сильнее. Объясняется это тем, что задерживающие центры головного мозга развиты слабее, интересы их уже, они более ограничены и большую роль в их жизни играет половая сфера.

Мы пошли в 7-е отделение, самое беспокойное и еще за несколько коридоров и палат услышали вой, стелание, крик, раздавалось топание по полу, как будто за дверью шла пляска. Только что перед нашим приходом подралось несколько женщин, таскали друг друга за волосы, одна другой укусила палец, пока их не разняли. Наскакивавшая на других, со злостью, что не удалось ничего сделать врагу, лежа на постели, выла протяжно и визгливо, женщины лежали и ходили возбужденные и нервные. Они подошли к врачу и начали жаловаться, что с такими обитателями нельзя жить. Их надо выкинуть отсюда, как собак. Врач слушал, для него это было не ново, за свои тридцать лет работы в психиатрической боль-

Основатель Третьяковской Галереи.

П. М. Третьяков — картина И. Репина.

На-днях исполнилось 25-летие со дня смерти основателя Государств. Третьяковской Художественной Галереи в Москве П. М. Третьякова.

„Три вора“ в театре им. В. Ф. Комиссаржевской.

Фот. А. Самсонова.

Игорь Ильинский в роли вора Тапиоки.

них лет. Они загружают больницу, давая некоторым отделениям характер богачей. Раньше широко было разнито призрение хронических спокой душевнобольных, которых отдавали свои или чужие семьи с денежных и динским пособием. В 7-ми верстах от сквы целых 4 деревни промышляли тем, содержали их. В этих деревнях призралось до 400 чел. Не было ни одного стьянского дома, где бы не было одного нескольких душевнобольных. Живя в стьянской обстановке, на вольном духе, принимая участие в работе, в двенских радостях, горестях и нуже, больные скорее восстанавливали свои стгда как больничная жизнь, отсутствие впечатлений быстрее разрушают их собности. Кроме того, больничное сожание обходится значительно дороже. Вскоре же после революции кресты перестали брать психически больных, настоящему времени осталось в дерев только 30 человек. Теперь поднят вопввиду перегруженности больниц, одаче больных на призрение крестьяи, наверное, скоро будет разрешен в ложительном смысле, тем более, что стьяне вновь не прочь заняться этим ммыслом.

На улице шел мелкий осенний дождь. Дорога парком, по оврагу, через коину к окраине города с низкими тывыми домиками была размыта и жидвязли ноги в жидкой хлюпающей грязи. Я был весь во власти этого «дома страиния», где тянется жизнь, похожая на оний день в слякоти и стуже.

Муз. Арта Костов.